

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора филологических наук Сафроновой Елены Юрьевны
на тему: «Сибирский текст Ф.М. Достоевского:
биография, эпистолярий, творчество»
по специальности 10.01.01 – «Русская литература»

Актуальность диссертационного исследования Е.Ю. Сафроновой предопределена прежде всего тем, что, несмотря на значительную научную литературу на данную тему, это первая целостная монографическая работа посвященная «сибирскому тексту Ф.М. Достоевского». Хотя барнаульской части этого текста в работе уделяется преимущественное внимание и в центре ее комические роман и повесть Достоевского, чисто сибирские строго говоря, только по месту их создания, тем не менее, нельзя не отдать должное исследовательнице. Ее увлеченность и даже, можно сказать «посвященность» позволили ей справиться со значительной как по объему работы, так и по ее важности, задачей: создать сводную работу по этой теме.

При этом диссертацию Е.Ю. Сафроновой вполне отличает и установка на научную новизну. В этом плане нельзя не отметить прежде всего огромную работу, проделанную ею в архивах, которая позволила сделать множество ценных уточнений. При этом те из них, которые касаются биографии Достоевского и его окружения, а также его эпистолярия, не вызывают ни малейших сомнений. Новые факты и датировки, относящиеся к жизни и переписке писателя, несомненно, представляют собой ценный вклад в их изучение.

Так, например, мы узнаем немало нового о биографии Н.Б. Вергунова, поначалу бывшего более счастливым соперником Достоевского в борьбе за сердце М.Д. Исаевой, о том, кто скорее всего был тем врачом, который впервые – еще в 1857 году в Барнауле – верно поставил Достоевскому диагноз: «эпилепсия», о сыне Андрея Родионовича и Екатерины Осиповны

Гернгресс, которого Достоевский упомянул в письме к барону А.Е. Врангелю, и многое другое.

Немало нового удастся сказать автору диссертации и о творчестве Ф.М. Достоевского. Причем не только о «Дядюшкином сне» и «Селе Степанчикове и его обитателях», но и о «Записках из Мертвого дома» и даже о «Крокодиле». Решая вопрос о преломлении тех или иных биографических обстоятельств в творчестве Достоевского, Е.Ю. Сафронова неоднократно прибегает к принципам сравнительно новой области в изучении поэтики литературного произведения – так называемой криптопоэтики. Вслед за Р.Г. Назировым я сам в последние годы немало занимаюсь изучением этой области поэтики, а диссертант в отдельных случаях следует некоторым наработанным мной принципам анализа и широко ссылается на мои работы. Все это делает работу Е.Ю. Сафроновой в моих глазах, естественно, довольно привлекательной. В ней и в самом деле содержится немало ценного.

Так, например, с полным основанием вспоминает Е.Ю. Сафронова в связи с романом «Село Степанчиково...» о семипалатинском знакомом Достоевского и Врангеля гостеприимном купце Федоре Степановиче Степанове. «Некоторые черты Степанова», которого Врангель характеризовал как «доброе, услужливое, приветливое», мог «унаследовать» хозяин усадьбы Егор Ильич Ростанев (с. 319-320). Таких удачных наблюдений и соображений в работе вообще довольно много.

Когда диссертант высказывает предположения о том, что прототипом «хо-ро-шенького мальчика» с «пухленькими и розовыми щечками» из «Дядюшкиного сна» является восьмилетний Родион Гернгресс, что под «Светозерской пустыней», в которую «к иеромонаху Михаилу» собирался поехать князь К. из того же произведения имеется в виду Алтайская миссия архимандрита Макария (1792-1847), о котором мог слышать писатель, а что под «скверной речонкой с неприличным названием» (ПСС, 2, 324) скрывается речка Кондома в Кузнецке, когда она связывает заглавие «Село

Степанчиково...» с топонимом «Семипалатинск», то все это (и многое другое) представляется весьма вероятным.

И тем не менее, иногда, как мне представляется, Е.Ю. Сафронова несколько увлекается и видит зашифрованные сибирские реалии там, где они далеко не так очевидны. Поэтому некоторые довольно однозначные суждения исследовательницы о том, что те или иные имена и названия Достоевского представляют собой криптонимы и криптопосы, вызывают у меня внутренние возражения. В особенности в тех, к счастью, немногочисленных случаях, когда диссертант забывает оговорить возможность другого истолкования этих образов и принципиальную полигенетичность большинства образов Достоевского – как, например, когда она пишет: «фраза Москалевой “бросилась бы на него, как на рудник, как на россыпь...” (2, 207), на наш взгляд, однозначно имеет алтайский генезис» (с.155). Диссертант имеет в виду существование на Алтае золотодобывающих рудников.

Стоит разобраться в этом вопросе в общетеоретическом ключе. В «Дядюшкином сне» и «Селе Степанчикове...», которые Достоевский задумал и начал писать еще будучи в Сибири, действительно отразились и не могли не отразиться некоторые впечатления писателя от знакомства с жизнью провинциальных сибирских городов, в которых довелось ему жить или побывать. И тем не менее, о «Дядюшкином сне», например, В.А. Туниманов писал, что «литературоведы-краеведы могут сколько угодно гадать, какой именно сибирский город послужил прототипом для Мордасова – Омск, Семипалатинск или Барнаул. Усилия их будут тщетны. Неопровержима только литературная родословная Мордасова» (*Туниманов В.А. Творчество Достоевского: 1854-1862. Л., 1980. С. 23-24*).

Вслед за ним, как отмечает сама Е.Ю. Сафронова, полагали, что в комических произведениях Достоевского конца 1850-х годов отразился общепроvincialный стандартный колорит, также и В.Г. Одинокоев, С.А.Кибальник и многие другие исследователи. В.Г. Габдуллина даже

утверждала, что «номинация “сибирские повести” Достоевского по отношению к произведениям, написанным Достоевским в ссылке (“Дядюшкин сон”, “Село Степанчиково и его обитатели”) условна и обычно маркирует их по времени и месту создания, а не с точки зрения содержащегося в них метатекста» (Габдуллина В.И. Сибирский текст Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3. С. 101). И это противоречащее ее собственному убеждению суждение известной исследовательницы диссертант также добросовестно приводит в своей работе.

Однако же она довольно убедительно с ним полемизирует. И нельзя не признать правоту Е.Ю. Сафроновой, когда она пишет, что жизненные впечатления, связанные с пребыванием Достоевского в Сибири, не могли не отразиться в его произведениях, относящихся к тому времени, и что в них сказались отдельные сибирские топонимы, места и конкретные люди, окружавшие его там. Более того, она действительно находит немало аргументов в защиту подобного представления.

При этом, правда, вопросы, в каких случаях мы можем идентифицировать образы Достоевского с конкретными сибирскими городами и их обитателями, все же остаются. Зачем тогда писатель прямо их не называет? Если он изображает их криптографически, зашифрованно, то с какой целью? Представляется, что не всегда диссертант достаточно подробно и убедительно отвечает на все эти вопросы. Однако в отдельных случаях она удачно пользуется для обоснования своего мнения специальными терминами, которые либо впервые вводит в научный оборот, либо успешно способствует укреплению в нем недавно возникших понятий.

Так, безусловно, полезными представляется понятия «криптонима» и «криптотопоса»: «криптотопос как такой топос литературного произведения, который прямо не называется автором, но подразумевается с помощью системы аллюзий, обеспечивающих локальную привязку текста» (с. 154),

«криптоним как сознательно зашифрованное автором в художественном тексте имя города, места, вещи или человека» (с.103).

Однако все-таки почему все же мы должны видеть в Мордасове криптоним Барнаула? На основании того, что в Барнауле у Гернгроссов Достоевский похвалил лицо их маленького сына, как утверждает сама исследовательница? И зачем он зашифровал этот город: чтобы не было намеков на связь барона Врангеля с женой Гернгросса? Так их бы не было, даже если бы он прямо обозначил «Барнаул» как место действия повести.

В какой-то степени при этом Е.Ю. Сафронова, по-видимому, недооценивает значение литературных прототипов героев Достоевского. Так, в мордасовском докторе Каллисте Станиславовиче она сама видит «памфлетный образ глупого и бездарного врача-шарлатана в мольеровском духе». И тем не менее, связывает генезис этого образа с общением Достоевского с барнаульским доктором И.А. Преображенским, отличавшимся, напротив, большими достоинствами и как врач, и как человек. С точки зрения диссертантки, Достоевский делает это «с целью завуалировать биографический подтекст» (с.166). Но разве многие из читателей повести узнали бы в Каллисте Станиславовиче мало кому ведомого барнаульского доктора?

Справедливо говоря об автопародийности образа князя К. и цитируя его слова: «Я хочу, чтоб сейчас же, сию минуту была свадьба» (2, 346), диссертантка не замечает сама и не вспоминает, что это, как уже было отмечено в моей книге (см.: *Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013. С. 68*), цитата из Подколесина

В одном случае диссертантка полемизирует со мной, и я берусь защитить свою позицию. Так, например, она пишет: «В созвучии фамилий Ростанев – Гернгросс можно увидеть частичную анаграмму (более близкую, чем предлагает С.А. Кибальник – равенство) [Кибальник, 2013, с.155]. Правда, так она пишет только в монографии, а в диссертации уже не противопоставляет свое суждение моему истолкованию: «В созвучии

фамилий **Ростанев-Гернгрóсс** можно увидеть частичную анаграмму (С.А. Кибальник предлагает Ростанев – равенство) [Кибальник, 2013, с. 155]» (с. 338). Однако коль скоро диссертацию посмотрят немногие, а у монографии все же будет более широкий круг читателей, то все же прокомментирую это ее наблюдение.

Поясняя свою мысль, Е.Ю. Сафронова отмечает, что знакомый Достоевского начальник Алтайских горных заводов Андрей Родионович Гернгрóсс, в доме которого в Змиеве (современном Змеиногорске) Достоевский бывал, «отличался добрым, радушным, гуманным характером» (с. 337). Несомненно, это делает возможным отражение также и каких-то черт Гернгрóсса при создании образа Ростанева. Однако по отношению к слову «равенство» фамилия «Ростанев» представляет собой полную анаграмму, и к тому же это слово обозначает ключевую вещь, в стремлении к которому герой Достоевского довел свою жизнь и жизнь своих близких до трагикомедии.

Так что все же анаграмма «Ростанев» – «равенство», с моей точки зрения, представляет собой не только весьма вероятный, но и ключевой для понимания романа Достоевского художественный прием. А анаграмма «Ростанев – Гернгрóсс» представляется мне далеко не очевидной и потому отнюдь не доказывающей, а лишь предполагающей прототипичность этого героя по отношению к сибирскому знакомцу писателя.

Когда диссертант пишет о том, что «две смертельные болезни Ф.М. Достоевского – эмфизема легких и эпилепсия – словно поделены» (с. 163) между героями «Дядюшкиного сна» старым князем К. и молодым учителем Васей, она забывает о том, что эмфиземой Достоевский страдал только уже начиная с 1870-х годов. Кстати сказать, «Дядюшкин сон» в родительном падеже будет «Дядюшкиного сна», а не «Дядюшкина сна», как, увы, неизменно пишет Е.Ю. Сафронова. К сожалению, есть в диссертации, даже и в автореферате, и опечатки, к счастью, незначительные и немногочисленные.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 – «Русская литература», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Елена Юрьевна Сафронова заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
ФБГУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Кибальник Сергей Акимович

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.01.01 – «Русская литература».

Адрес места работы:

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Отдел новой русской литературы
Тел.: 8-812-328-1901, e-mail: irliran@mail.ru

Подпись сотрудника ФБГУН ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
С.А. Кибальника удостоверяю

